

Николай Клюев

(1884 – 1937)_

Зима изгрызла бок у стога

Зима изгрызла бок у стога,
Вспорола скирды, но вдомяк
Буренке пегая дорога
И грай нахохленных сорок.

Сороки хохлятся — к капели,
Дорога пегая — быть теплу.
Как лещ наживку, ловят ели
Луча янтарную иглу.

И луч бежит в переполохе,
Ныряет в хвой, в зыбь ветвей...
По вечерам коровьи вздохи
Снотворней бабкиных речей:

«К весне пошло, на речке глыбко,
Буренка чует водополь...»
Изба дремлива, словно зыбка,
Где смолкли горести и боль.

Лишь в поставце, как скряга злато,
Теленье числа и удой,
Подойник с кринкою щербатой
Тревожат сумрак избяной.

Галка-староверка ходит в чёрной ряске

Галка-староверка ходит в чёрной ряске,
В лапотках с оборою, в сизой подпояске.
Голубь в однорядке, воробей в сибирке,
Курица ж в салопе — клёванные дырки.
Гусь в дублёной шубе, утке ж на задворках
Щеголять далось в дедовских опорках.

В галочки потёмки, взгромоздясь на жёрдки,
Спят, нахохлив зобы, курицы-молодки,
Лишь петух-кудесник, запахнувшись в саван,
Числит звёздный бисер, чует травный ладан.

На погосте свечкой теплятся гнилушки,
Доплетает леший лапоть на опушке,
Верезжит в осоке проклятый младенец...
Петел ждёт, чтоб зорька нарядилась в венчик.

У зари нарядов тридевять укладок...
На ущербе ночи сон куриный сладок:
Спят монашка-галка, воробей-горошник...
Но едва забрезжит заревой кокошник —

Звездочёт крылатый трубит в рог волшебный:
«Пробудитесь, птицы, пробил час хвалебный,
И пернатым брашно, на бугор, на плёсо,
Рассыпает солнце золотое просо!»

Александру Блоку

Верить ли песням твоим —
Птицам морского рассвета,-
Будто туманом глухим
Водная зыбь не одета?

Вышли из хижины мы,
Смотрим в морозные дали:
Духи метели и тьмы
Взморье снегами сковали.

Тщетно тоскующий взгляд
Скал испытует граниты,—
В них лишь родимый фрегат
Грудью зияет разбитой.

Долго ль обветренный флаг
Будет трепаться так жалко?..
Есть у нас зимний очаг,
Матери мерная прялка.

В снежности синих ночей
Будем под прялки жужжанье
Слушать пролёт журавлей,
Моря глухое дыханье.

Радость незримо придёт,
И над вечерними нами
Тонкой рукою зажжёт
Зорь незакатное пламя.

Я болен сладостным недугом —
Осенней, рдяною тоской.
Нерасторжимым полукругом
Сомкнулось небо надо мной.

Она везде, неуловима,
Трепещет, дышит и живёт:
В рыбачьей песне, в свитках дыма,
В жужжанье ос и блеске вод.

В шуршанье трав — её походка,
В нагорном эхо — всплески рук,
И казематная решётка —
Лишь символ смерти и разлук.

Её ли косы смоляные,
Как ветер смех, мгновенный взгляд...
О, кто Ты: Женщина? Россия?
В годину чёрную собрат!

Поведай: тайное сомненье
Какою казнью искупить,
Чтоб на единое мгновенье
Твой лик прекрасный уловить?

Хорошо ввечеру при лампадке

Хорошо ввечеру при лампадке
Погрустить и поплакать втишок,
Из резной низколобой укладки
Недовязанный вынуть чулок.

Ненаедаю-гостем за кружкой
Усадить на лежанку кота
И следить, как лучи над опушкой
Догорают виденьем креста,

Как бредет позад дремлющих гумен,
Оступаясь, лохмотница-мгла...
Всё по-старому: дед, как игумен,
Спит лохань и притихла метла.

Лишь чулок — как на отмели верши,
И с котом раздружился клубок.

Есть примета: где милый умерший,
Там пустует кольцо иль чулок,

Там божничные сумерки строже,
Дед безмолвен, провидя судьбу,
Глубже взор и морщины... О, Боже –
Завтра год, как родная в гробу!

Песнь о Великой Матери

Отрывок

Эти гусли – глубь Онега,
Плеск волны палеостровской,
В час, как лунная телега
С грузом жемчуга и воска
Проезжает зыбью лоской,
И томит лесная нега
Ель с карельскою берёзкой.

Эти притчи – в день Купалы
Звон на Кижях многоглавых,
Где в горящих покрывалах,
В заревых и рыбьих славах
Плещут ангелы крылами.

Эти тайны парусами
Убаюкивал шелоник.
В келье кожаный часовник,
Как совят в дупле смолистом,
Их кормил душистой взяткой
От берестяной лампадки
Перед образом пречистым.

Эти вести – рыба стая,
Что плывёт, резвясь, играя,
Лосось с Ваги, язь из Водлы,
Лещ с Мегры, где ставят мёрды,
Бок изодран в лютой драке
За лазурную плотицу,
Но испить до дна не всякий
Может глыбкую страницу.

Кто пречист и слухом золот,
Злым безверьем не расколот,
Как берёза острым клином,
И кто жребием единым

Связан с родиной-вдовицей,
Тот слезами на странице
Выжжет крест неопалимый
И, таинственно водимый
По тропинкам междустрочий,
Красоте заглянет в очи —
Светлой девушке с поморья.

Броженица ли воронья —
На снегу вороньи лапки,
Или трав лесных охапки,
На песке реки таёжной
След от крохотных лапотцев —
Хитрый волок соболиный,
Нудят сердце болью нежной,
Как слюду в резном оконце,
Разузорить стих сурьюмою,
Команикой и малиной,
Чтоб под крышкой гробовою
Улыбнулись дед и мама,
Что возлюбленное чадо,
Лебедёнок их рожонный,
Из железного полона
Чёрных истин, злого срама
Светит тихою лампадой, —
Светит их крестам, криницам,
Домовищам и колодам!..
Нет прекраснее народа,
У которого в глазницах,
Бороздя раздумий воды,
Лебедей плывёт станица!
Нет премудрее народа,
У которого межбровье —
Голубых лосей зимовье,
Бор неизвестный кедровый,
Где надменным нет прохода
В наговорный терем слова! —
Человеческого рода,
Струн и крыльев там истоки...
Но допряжены, зная, сроки,
Все пророчества сбылись,
И у русского народа
Меж бровей не прыщут рыси!
Ах, обожжен лик иконный
Гарью адских перепутий,
И славянских глаз затоны
Лось волшебный не замути!
Ах, заколот вещей лебедь

На обед вороньей стае,
И хвостом ослиным в небе
Дьявол звёзды выметает!

Часть первая

А жили по звёздам, где Белое море,
В ладонях избы, на лесном косогоре.
В бору же кукушка, всех сказок залог,
Серебряным клювом клевала горох.
Олень изумрудный с крестом меж рогов
Пил кедровый сбитень и марево мхов,
И матка сорочья – сорока сорок
Крылом раздувала заклтый грудок.
То плящий костёр из глазастых перстней
С бурмитским зерном, чтоб жилось веселей.
Чтоб в нижнем селе пахло сытой мучной,
А в горней светёлке проталой вербой,
Сурмлёным письмом на листах Цветника,
Где тень от ресниц, как душа, глубока!

Ах, звёзды поморья, двенадцатый век
Вас черпал иконой обильнее рек.
Полнеба глядится в речное окно,
Но только в иконе лазурное дно.

Хоромных святынь, как на отмели гаг,
Чуланных, овинных, что брезжат впотьмах,
Скромных и постных, на сон, на улов,
Сверчку за лежанку, в сундук от жуков,
На сшив парусов, на постройку ладьи,
На выбор мирской старшины и судьи –
На всё откликалась блаженная злать.
Сажали судью, как бобриху на гать,
И отроком Митей (вдомёк ли уму?)
«Заклания» образ – вручался ему.
Потом старики, чтобы суд был лёток,
Несли старшине жемчугов кузовок,
От рыбных же весей пекли косовик,
С молоками шаньги, а девичий лик
Морошковой брагой в черпугах резных
Честил поморян и бояр волостных.

Ах, звёзды помория, сладостно вас
Ловить по излучинам дружеских глаз

Мережею губ, языка гарпуном,
И вдруг разрыдаться с любимым вдвоём!
Ах, лебедь небесный, лазоревый крин,
В Архангельских дебрях у синих долин!
Бревенчатый сон предстаёт наяву:
Я вижу над кедрами храма главу,
Она разузорена в лемех и елань,
Цветёт в сутемёнки, пылает в зарань.
С товарищи мастер Аким Зяблецов
Воздвигли акафист из рудых столпов,
И тепля ущербы — Христова рука
Крестом увенчала труды мужика.

Три тысячи сосен — печальных сестёр
Рядил в аксамиты и пестовал бор;
Пустынные девы всегда под фатой,
Зимой в горностаях, в убрусах весной,
С кудрявым Купалой единойжды в год
Водили в тайге золотой хоровод
И вновь засыпали в смолистых фатах.
Линяла куница, олень на рогах
Отметиной пегой зазимки вершил,
Вдруг Сирина голос провеял в тиши:
«Лесные невесты, готовьтесь к венцу,
Красе ненаглядной и саван к лицу!
Отозван Владыкой дубрав херувим, —
Идут мужики, с ними мастер Аким;
Из ваших телес Богородице в дар
Смиренные руки построят стожар,
И многие годы на страх сатане
Вы будете плакать и петь в тишине!
Руда ваших ран, малый паз и сучец
Увидят Руси осиянной конец,
Чтоб снова в нездешнем безбольном краю
Найти лебединую радость свою!»
И только замолкла свирель бирюча,
На каждой сосне воссияла свеча.
Древесные руки скрестив под фатой,
Прощалась сестрица с любимой сестрой.
Готовьтесь, невесты, идут женихи!..
Вместят ли сказанье глухие стихи?
Успение леса поведает тот,
Кто слово, как жемчуг, со дна достаёт.

Меж тем мужики, отложив топоры,
Склонили колени у мхов и коры
И крепко молились, прося у лесов
Укладистых матиц, кокор и столпов.

Поднялся Аким и топор окрестил:
«Ну, братцы, радейте, сколь пота и сил!»
Три тысячи брёвен скатили с бугра
В речную излуку – котёл серебра:
Плывите, родные, укажет Христос
Нагорье иль поле, где ставить погост!
И видел Аким, как лучом впереди
Плыл лебедь янтарный с крестом на груди.
Где устье полого и сизы холмы,
Пристал караван в час предутренней тьмы,
И кормчая птица златистым крылом
Отцам указала на кедровый холм.

Церковное место на диво красно:
На утро – алтарь, а на полдень – окно,
На запад врата, чтобы люди из мглы,
Испив купины, уходили светлы.
Николин придел – брёвна рублены в крюк,
Чтоб капали вздохи и тонок был звук.
Егорью же строят сусеком придел,
Чтоб конь-змееборец испил и поел.
Всепетая в недрах соборных живёт, –
Над ней парусами бревенчатый свод,
И кровля шатром – восемь пламенных крыл,
Развеянных долу дыханием сил.

С товарищи мастер Аким Зяблецов
Учились у кедров порядку венцов,
А рубке у капли, что камень долбит,
Узорности ж крылец у белых раkit –
Когда над рекою плывёт синева,
И вербы плетут из неё кружева,
Кувшинами крылец стволы их глядят,
И лёгкою кровлей кокошников скат.
С товарищи мастер предивный Аким
Срубили акафист и слышен и зрим,
Чтоб многие годы на страх сатане
Саронская роза цвела в тишине.

Поётся: «Украшенный вижу чертог», –
Такой и Покров у Лебязьих дорог:
Наружу – кузнечного дела врата,
Притвором – калик переходжих места,
Вторые врата серебруются слюдой,
Как плёсо, где стая лещей под водой.
Соборная клеть – восковое дупло,
Здесь горлицам-душам добро и тепло.
Столбов осетры на резных плавниках

Взыграли горе, где молчания страх.
Там белке пушистой и глуби озёр
Печальница твари виёт омофор.
В пергаменных святцах есть лист выходной,
Цветя живописной поблёкшей строкой:
Творение рая, Индикт, Шестоднёв,
Писал, дескать, Гурий – изограф царёв.
Хоть титла не в лад, но не ложна строка,
Что Русь украшала сновидца рука!

Мой братец, мой зяблик весенний,
Поющий в берёзовой сени,
Тебя ли сычу над дуплом
Уверить в прекрасном былом!

Взгляни на сиянье лазури –
Земле улыбается Гурий,
И киноварь, нежный бакан
Льёт в пёстрые мисы полян!

На тундровый месяц взгляни –
Дремливей рыбацьею ладьи.
То он же, улов эскимос,
Везёт груды перлов и слёз!

Закинь невода твоих глаз
В речной голубиный атлас,
Там рыбью отару зограф
Пасёт средь кауровых трав!

Когда мы с тобою вдвоём
Отлётным грустим журавлём,
Твой облик – дымок над золой
Очерчен иконной графьёй!

И сизые прошвы от лыж,
Капли с берестяных крыш,
Все Гурия вапы и сны
О розе нетленной весны!

Мой мальчик, лосёнок больной,
С кем делится хлеб трудовой,
Приветен лопарский очаг
И пастью не лязгает враг!

Мне сиверко в бороду вплёл,
Как изморозь, сивый помол,
Чтоб милый лосёнок зимой
Укрылся под елью седой!

Берлогой глядит борода,
Где спят медвежата-года
И беличьим выводком дни...
Усни, мой подснежник, усни!

Лапландия кроткая спит,
Не слышно оленьих копыт,
Лишь месяц по кости ножом
Тебе вырезает псалом!

Мы жили у Белого моря,
В избе на лесном косогоре:
Отец богатырь и рыбак,
А мать – бледнорозовый мак
На грядке, где я, василёк,
Аукал в хрустальный рожок.

На мне пестрядная рубашка,
Расшита, как зяблик, запашка,
И в пояс родная вплела
Молитву от лиха и зла.

Плясала у тётушки Анны
По плису игла неустанно
Вприсядку и дыбом ушко, –
Порты сотворить не легко!
Колешки, глухое гузёнце,
Для пуговики совье оконце,
Карман, где от волчьих погонь
Укроется сахарный конь.

Пожрали сусального волки,
Оконце разбито в осколки,
И детство – зайчонок слепой
Заклёвано галок гурьбой!

Я помню зипун и сапожки
Весёлой сафьянной гармошкой,

Шушукался с ними зипун:
«Вас делал в избушке колдун,
Водил по носкам, голенищам
Кривым наговорным ножищем,
И скрип поселил в каблуки
От вёсел с далёкой реки!
Чтоб крепок был кожаный дом,
Прямил вас колодкой потом,
Поставил и тын гвоздяной,
Чтоб скрип не уплёлся домой.
Алёнушка дратву пряла,
От мглицы сафьянной смугла,
И пела, как иволга в елях,
Про ясного Финиста-лея!»
Шептали в ответ сапожки:
«Тебя привезли рыбаки,
И звали аглицким сукном,
Опосле ты стал зипуном!
Сменяла сукно на икру,
Придачей подложку-сестру,
И тётушка Анна отрез
Снесла под куриный навес,
Чтоб петел обновку опел,
Где дух некрещёный сидел.
Потом завернули в тебя
Ковчежец с мощами, любя,
Крестом повязали тесьму —
Повывесть заморскую тьму,
И семь безутешных недель
Ларец был тебе колыбель,
Пока кипарис и тимьян
На гостя, что за морем ткан,
Не пролили мирра ковши,
Чтоб не был зипун без души!

Однажды, когда Растегай
Мурлыкал про масленный рай,
И горенка была светла,
Вспорхнула со швейки игла, —
Ей нитку продели в ушко,
Плясать стрекозою легко.
И вышло сукно из ларца
Синё, бархатисто с лица,
Но с тонкой тимьянной душой...
Кроил его инок-портной,
Из жёлтого воска персты...
Прекрасное помнишь ли ты?»

Увы! Наговорный зипун
Похитил косматый колдун!